

М. Трюэль

ПЕРЕЛОЖЕНИЯ РОМАНА ВИКТОРА ГЮГО «ОТВЕРЖЕННЫЕ» (1868–1915)

В статье рассматриваются русские переложения романа Виктора Гюго «Отверженные», предназначенные для детей и народа. Эти произведения, вышедшие в период с 1860 гг. по 1880 гг., представляют собой упрощенные рассказы, воспевающие добродетель, критика общественного строя, присущая роману Гюго, в них отсутствует. С 1890-х гг. появляется все больше изданий для простого народа и наблюдается дифференциация рассказов, адресованных детям и народу. Рассказы для народа уже длиннее прежних, ближе к оригиналу по стилю и содержанию; в них иногда содержится критика общественного устройства. Переложения свидетельствуют о постепенном изменении отношения переводчиков и издателей к народу.

Ключевые слова: «Les misérables», Victor Hugo, «Отверженные», Виктор Гюго, французская литература в России, переложения, перевод, детская литература, литература для народа, Л. Н. Толстой

С 1862 г., когда во Франции была опубликована первая книга романа В. Гюго «Отверженные» («Les Misérables»), роман пользовался большим успехом в России, а потом и в СССР. Но уже в том же году после публикации в сокращенном виде в журналах первой части («Фантина») роман был запрещен. Только в 1882 г. Суворину удалось за счет сокращения некоторых отрывков опубликовать роман. В 1890-х гг. выходит уже много изданий перевода романа с разными вариантами названия: «Несчастные», «Отверженные», «Презренные» и «Жалкие люди»¹.

Но даже когда роман был запрещен, издавались переложения — переделанные отрывки из романа, которые выходили под другими заглавиями². В центре переложения, как правило, один герой; оно состоит из одного или иногда нескольких отрывков романа (тогда их составляют так, чтобы было незаметно, что текст взят из разных частей романа).

Чем отличаются переложения, полные и сокращенные переводы от оригинала? Кому были предназначены переложения и как это влияло на их содержание? Отвечая на эти вопросы, мы будем сравнивать переложения не только с оригиналом, но и с переводами,

так как некоторые изменения распространяются не только на переложения, но и на переводы полного текста на русский³.

Можно выделить три основные группы адаптированных эпизодов: первый — о Козетте⁴, второй — о встрече епископа Мириеля с Жаном Вальжаном и третий — о Гавроше и восстании в Париже в 1832 г. Позднее, в советское время, сюжет о Гавроше начинает пользоваться большей популярностью⁵, а до революции издаются в основном отрывки о Мириеле и Козетте.

Заглавие переложения // заглавие сборника	Переводчик	Год издания и переизданий	Издательство / коллекция / журнал	Объем (стр.)
Козета // Алмазы, Рассказ Козета // Алмазы, Рассказы и сказки для детей 1868	?	1868	тип. Э. Праца	50
Дитя Парижа // Маленькие герои	?	1869	П. Канчаловского	34
Архиерей и разбойник // Вторая русская книга для чтения	Л. Н. Толстой	1872; 1874; 1912	1872, 1874: Типография К. Замысловского 1912: Т-во Сытина	2
Несчастные // Веселье и радость от колыбели до могилы, Храм всего, что может повеселить и оживить все возрасты от старого до малого	?	1877	Типография С. Орлова	10
История одного праведника	Е. Г. Бартенева	1879	Детское чтение	33
Сирота у чужих людей	Н. Н. Филиппов	1889; 1910	Е. Евдокимова	30
Праведный старец / Из мрака к свету (2 варианта заглавия)	?	1894; 1900; 1903, 1912	1894: тип. Ермакова; 1900: тип. Вильде; 1903: тип. Кушнер и К°; 1912: Посредник	От 50 до 100
Сирота в неволе	Е. Б.	1896; 1898; 1901; 1910.	Посредник	70

Заглавие переложения // заглавие сборника	Переводчик	Год издания и переизданий	Издательство / коллекция / журнал	Объем (стр.)
Козета	?	1902	Юный читатель, Журнал для детей старшего возраста	37
Свет не без добрых людей	Ив. М-син	1902	Читальня Народной Школы	67
Епископ Мириель, Виктор Гюго // Круг чтения	Л. Н. Толстой	1906; 1908; 1910; 1911	1906–1908: Посредник; 1910: Библиотека копейка; 1911: Т-во Сытина	От 7 до 15
На баррикаде, сцена народного восстания 1832 г. в Париже	О. Н. Попова	1906	Издательство Д. Н. Поповой	82
Сирота в неволе	Е. П. Муратова	?, 1915	Книгоиздательство «Друг школы»	22

Целевая аудитория переложений

Объем переложений — от двух до ста страниц; размер шрифта крупнее, чем в полных и сокращенных переводах романа. Это указывает на то, что целевая аудитория изданий — неопытные читатели. Отметим, что три из пяти переложений «Козетты» были опубликованы в изданиях для детей: «Козета» 1868 г. — в большом иллюстрированном сборнике «Алмазы, Рассказы и сказки для детей»; «Козета» 1902 г. — в журнале «Юный читатель» (иллюстрированный журнал для детей старшего возраста); рассказ «Сирота в неволе» был опубликован в 1915 г. издательством «Друг школы». И два переложения вышли в дешевых изданиях для народа — это «Сирота у чужих людей» (1889) и «Сирота в неволе» (1896). Последний рассказ издавало и переиздавало просветительское издательство «Посредник», основанное по инициативе Л. Н. Толстого с целью выпускать качественную литературу для народа по доступной цене⁶.

В таком же соотношении был опубликован сюжет о Мириеле. Рассказ «История одного праведника» (1879) рассчитан на детей, а «Несчастные» (1877) — на всю семью⁷ (при этом последнее издание стоило четыре рубля а значит, было не по карману простому народу). «Праведный старец» (1894) предназначен для взрослых; можно найти и очень дешевые издания этого варианта переложения для про-

стого народа и более дорогие⁸. Журнал «Читальня народной школы», издавший «Свет не без добрых людей» в 1902 г., предназначался для образовательных учреждений и народных библиотек⁹. «Архиерей и разбойник» Л. Н. Толстого, опубликованный в «Азбуке» в 1872 г., адресован детям всех сословий¹⁰, а «Епископ Мириель», вышедший в сборнике «Круг чтения» (1906), а потом отдельно в «Библиотечке «Копейки»» (1910) и в «Посреднике» (1911) — для народа¹¹.

В царское время вышло только два переложения, в которых появляется Гаврош. Первое — «Дитя Парижа» — в 1869 г. в «Сборнике для чтения “Маленькие герои”». Целевая аудитория не указана, однако название сборника, иллюстрации и крупный шрифт позволяют предположить, что издание рассчитано на детей — может быть, на всю семью. Второе переложение 1906 г. стоит оговорить особо: оно посвящено восстанию 1832 г. в Париже и проникнуто духом революции¹²; в этом рассказе Гаврош является лишь одним из участников, а не главным героем. Появление этого переложения связано с революционными событиями 1905 г. и с временной отменой цензуры¹³.

Таким образом, повторимся: в отличие от переводов целого романа¹⁴, переложения предназначены для неопытных читателей — детей и народа. Отдано предпочтение эпизодам о Мириеле и о Козетте. Первые переложения (о Козетте, Мириеле и Гавроше) рассчитаны на детей из довольно зажиточных семей (за исключением «Азбуки» Толстого, которая продавалась за несколько копеек), а иногда на всю семью. С конца 1880-х гг. наряду с уже менее дорогими изданиями для детей появляются дешевые издания для простого народа¹⁵. Это происходит на фоне развития книгоиздания для народа. В этом процессе заметную роль играет издательство «Посредник», целью которого является выпуск книг для народа с воспитательной целью¹⁶: оно издает и переиздает один рассказ о Козетте и два о Мириеле.

Отвечая на вопрос, как эти рассказы отличаются от оригинала, от переводов и друг от друга, обратимся к анализу содержания адаптированных фрагментов.

Выбор сюжета: цензура или воспитание?

Общая тема переложений — доброе дело. Мириель принимает Вальжана у себя, а потом спасает его от каторги; Вальжан спасает Козетту от ненавидящих ее Тенардьё (подчеркнем, что в оригинале он обещает Фантине спасти ее дочь, а в переложениях Вальжан — просто случайный прохожий); Гаврош кормит чужих малышей и укладывает их спать¹⁷. Во всех трех случаях человек бескорыстно

помогает другому человеку. Исключением является переложение 1906 г. о восстании 1832 г., где герои отдают свою жизнь во имя революции.

Сравним сюжеты переложений с сюжетом романа в различных переводах, и для этого рассмотрим, как была переведена первая часть романа («Фантина»). Роман начинается с описания епископа Мириеля и с его встречи с Вальжаном. Далее следует история падения Фантины, жертвы социальных устоев. Вальжан, ставший мэром города Монтрёй-сюр-Мэр, старается ей помочь, но его арестовывают. «Фантина», первая часть романа, заканчивается смертью героини. В полных переводах романа все эти моменты сохранены, при том что многие фрагменты сокращены или не переведены¹⁸.

А в переложениях из первой части романа взята только встреча Вальжана с Мириелем¹⁹. Описание Мириеля и его образа жизни обычно не приводится или сводится к нескольким предложениям, хотя оно занимает целиком первую книгу первой части оригинала. Не упоминается ни судьба ставшей проституткой матери Козетты, ни судьба Жана Вальжана, которого арестовывают, несмотря на то что он стал порядочным человеком и благодетелем города. Таким образом, переложения воспевают добродетель, а критика общественного строя, порождающего проституцию и преступность, нивелируется. Чем объясняется такой отбор материала?

Первым фактором отбора — особенно для ранних переложений — является цензура: роман был запрещен до 1882 г., и даже после отмены цензурного запрета он выходит с пропущенными отрывками. В таком контексте не удивительно, что авторы переложений нивелируют критику общественного строя. Второе — это эстетические взгляды переводчика и издателя²⁰. Третье — зависимость от адресата. Мы постараемся прояснить роль последних факторов.

Сокращение текста в ранних переложениях можно объяснить цензурой, так как история Вальжана и Фантины у Гюго ложится в основу критики общественного строя, а описание самоотверженности епископа Мириеля сопровождается обличением богатых священников. Однако любопытно, что несмотря на появления в 1890-е гг. переводов полного текста, сюжеты переложений остаются практически такими же, и возникает вопрос — почему?

Авторы переложений и их общественная деятельность

Кто же был автором переложений и что можно узнать о вкусах и пристрастиях тех, кто перерабатывал и адаптировал роман Гюго?

Установить авторство всех переложений не удалось: иногда имя переводчика не указывалось, иногда указывался лишь псевдоним. Заметим, что, несмотря на существенные изменения оригинала, авторы переложений представляют как переводчиков²¹. За исключением рассказа «Архиерей и разбойник» Толстого, первые переложения — как и первые полные переводы романа — анонимны (см. [Козета 1868; Дитя Парижа 1869; Несчастные 1877]); также анонимны переложения «Козета» (1902) и «Праведный старец» (1894). Автор переложения «Свет не без добрых людей» (1902) — «Ив. М-син», автор рассказа «Сирота в неволе» (1896) — «Е. Б.». В шести остальных переложениях указано имя переводчика-автора. Автор двух из них — Л. Н. Толстой. Об Е. П. Муратовой, авторе «Сироты в неволе» (1915), удалось узнать только, что она «автор детских рассказов» (см. «Муратова, Е. П.» [Большая биографическая энциклопедия 2009]). «Сироту у чужих людей» (1889) перевел и сократил Н. Н. Филиппов. В генеральном алфавитном каталоге книг на русском языке Российской Национальной Библиотеки (далее: РНБ) указано, что он также писал под псевдонимом «Д. Истомин». По данным каталога, Филиппов — автор различных историко-религиозных текстов (например, «Святой Стефан, епископ Пермский. Исторический рассказ Н. Н. Филиппова», опубликованный в 1894 г. в журнале «Добрые души. Чтение для детей и для народа»), а также автор сборников для детей и для народа (например, «Русские писатели. Книга для чтения в семье и в школе» (1904), «Рассказы для детей и народа русских писателей»), автор научно-популярных текстов (о Гутенберге) и, наконец, автор очерков о Белинском и о Некрасове²². Его интерес к последним объясняет обращение к популярному в их кругах роману Гюго. Отметим, что, как и многие авторы книг для народа, Филиппов отождествляет народ с детьми²³. «Историю одного праведника» (1879) перевела Е. Г. Бартенева, переводчица, публицист и член-учредитель Русской секции первого Интернационала, участница Парижской Коммуны в 1871 г. (см. «Бартенева, Е. Г.» [Советская историческая энциклопедия 1973–1982]). Переложение она написала по возвращении в Россию из Европы. С революционным движением была связана и О. О. Попова (см. «Попова Ольга Николаевна» [Энциклопедический справочник 1992])²⁴; она автор перевода полного романа «Отверженные», опубликованного в 1902 г. [Несчастные 1902]. В «Библиографии русских переводов произведений Виктора Гюго» и в каталогах РНБ указано, что под псевдонимом «Е. Б.», может скрываться Е. Бартенева (1843–1914).

Однако можно предположить, что это Е. Г. Бекетова — переводчица, которая в 1890-х гг. работала над полной версией романа «Отверженные» (см. [Отверженные 1899])²⁵.

Таким образом, для большинства известных авторов переложений рассказы для детей и народа не являются их основной деятельностью. Бартенева и Попова были связаны с марксистскими кружками, Толстой и Филиппов вели педагогическую деятельность среди детей и народа — не всегда разделяя эти две группы читателей; кроме того, оба писали духовные тексты. Таким образом, для авторов переложений обращение к тексту Гюго не случайно, оно является и выражением их личных интересов, и частью общего литературного и общественного проекта. Рассмотрим, как это сказалось на содержании переложений.

Образцовые герои vs критика общественного строя Козетта

Рассказы начинаются с описания положения Козетты у Тенардь; ее отправляют за водой, в лесу она встречает Жана Вальжана. Он договаривается с Тенардь и забирает Козетту. Заметим, что в оригинале и в полных переводах Козетта два раза обманывает Тенардь²⁶. А вот в первом переложении (1868) Козетта не лжет. В переложении 1915 г. в начале рассказа о лжи нет ни слова, а по возвращении из леса героиня лукавит, утверждая, что булочная была закрыта; однако эта ложь не подчеркивается, как в оригинале²⁷. Ложь сохранена в переложениях 1889, 1896 и 1902 гг., то есть в переложениях для взрослых и для так называемых «старших детей».

Кроме того, в переложениях наблюдается упрощение, а иногда изменение психологических портретов героев. В оригинале Вальжан обещал Фантине спасти ее дочь; однако в переложениях не сказано, почему Вальжан забирает Козетту, и читатель полагает, что он просто пожалел ее.

Переложение 1889 г. занимает особое место: лишь в нем рассказчик описывает настроение Вальжана. При этом он отходит от текста Гюго. Это переложение предназначено для взрослых, акцент сделан не на образе девочки, а на спасителе и его чувствах. В переложении мы читаем: «Семьи у него никогда не было... и он почувствовал, что вот детской-то нежности, ласки ему более всего не хватало» [Сирота у чужих людей 1889, с. 26], и в финале: «Ее детский лепет вызывал в душе старого каторжника неведомое ему дотоле умиление, и он чувствовал, что душа его воскресает для новой радостной жизни»

[Там же, с. 30]. Рассказу придается новый поучительный смысл — похвала семейной жизни.

Психологические портреты Вальжана и Тенардь значительно упрощены в эпизоде переговоров, когда Вальжан добивается разрешения забрать Козетту. В оригинале герои подробно описаны: жена Тенардь готова отдать Козетту Вальжану даром, но ее муж чувствует, что Вальжан готов заплатить большие деньги, чтобы забрать девочку и не иметь дело с властями, и начинает прикидываться, что любит девочку, но потом «пон[имает], что он имеет дело с очень сильным человеком»²⁸ и просто назначает высокую цену, с которой Вальжан соглашается. Когда Вальжан и Козетта уходят, Тенардь чувствует, что мог бы выпросить еще больше денег; он догоняет уходящих в надежде поторговаться, но Вальжан отказывает ему в деньгах. Вальжан не произносит угрожающих слов, однако Тенардь понимает, что ему лучше вернуться домой, когда тот «с таким мрачным взглядом посмотрел на него, что Тенардь почел ‘ненужным’ пойти дальше»²⁹. В переложении 1868 г. переговоры отсутствуют; Жан Вальжан — всемогущий даритель³⁰. В рассказе для детей 1915 г. Вальжан говорит: «Я разорву те цепи, которыми вы ее сковали, раз навсегда. Относительно цены мы, вероятно, сойдемся. Но если вы попытаете помешать мне, могу вас уверить, что вы не увидите ни ребенка, ни денег» [Сирота в неволе 1915, с. 30]. Вальжан, загадочный человек, способный внушить уважение даже мелкому преступнику Тенардь, тут превращается в просто добродушного и положительного героя.

Самое подробное описание переговоров можно найти в переложениях 1896 и 1902 гг. Например, в первом рассказе мы читаем, что жена Тенардь готова отдать Козетту даром, но ее муж, почувствовав выгодность своего положения, начинает торговаться с Вальжаном. Несмотря на пропущенные фрагменты³¹, эти переложения ближе к оригиналу по содержанию и стилю: например, в них сохранилось замечание рассказчика о том, что «в доме Тенардь спрос на воду был невелик, — тут больше пили другие напитки» [Сирота в неволе 1896, с. 9]³².

Таким образом, в переложениях для детей 1868-го и 1915 гг. акцент сделан на девочке, которая ведет себя образцово. Вариант для взрослых 1889 г. сильно отходит от текста Гюго и развивает идею семьи как основы новой счастливой жизни для разочарованного мужчины. Только на рубеже XX в. появляются переложения, уже в меньшей степени отходящие от оригинала. В начале XX в. тексты

начинают дифференцироваться в зависимости от целевой аудитории: маленьким детям адресуются короткие и простые рассказы о судьбе девочки (1915), старшим детям и взрослым — более пространные тексты, в которых нарисован портрет взрослых (1896 и 1902). Если до 1880–1890 гг. авторы почти не делают различий при написании текстов для детей и для народа (Н. Н. Филиппов), то впоследствии специализация более заметна: переложение 1915 г. написано Е. П. Муратовой, автором детских рассказов, а переложение 1896 г. Е. Б. — либо революционеркой Е. Бартеневой, либо Е. Г. Бекетовой, которая перевела полный роман, — и то, и другое показательно.

Мириель

В начале романа «Отверженные» епископ Мириель принимает у себя бывшего каторжника Жана Вальжана. Напомним сюжет: ночью Вальжан крадет серебряную посуду и бежит. Когда на следующий день полицейские, поймав Вальжана, приводят его к Мириелю, епископ утверждает, что он сам подарил Вальжану посуду и таким образом спасает его от каторги. После этого Вальжан грабит мальчика, но потом раскаивается и становится порядочным человеком³³.

Из шести переложений пять сосредоточены на личности Мириеля: подчеркивается его доброта и описывается, как он спасает Вальжана. В них мало что известно о Вальжане: только в одном варианте 1894 г. упоминается кража хлеба. Вальжан — просто приезжий, бывший каторжник, которому Мириель оказывает помощь. В переложении 1877 г. вообще не упоминается кража серебра, рассказывается только о том, как епископ приютил бывшего каторжника. В остальных переложениях, сконцентрированных на личности Мириеля, описывается кража серебра, но зато не упоминается ограбление мальчика: идея, что Вальжан может не сразу отказаться от накопленной за время каторги ненависти к людям, не допускается. Четыре варианта (1872, 1879, 1894, 1906) завершаются речью Мириеля, обращенной к Вальжану, о том, что он спасает душу каторжника и что деньги, которые Вальжан получит, продав серебряную посуду, должны помочь ему стать честным человеком³⁴. Заметим, что переложение марксисткой Е. Г. Бартеневой в 1879 г. не отходит от этой схемы: она написала рассказ для детей, не рискуя, что цензура его запретит.

Со временем объем переложений увеличивается: переложения 1870-х гг. занимают от двух до 30 страниц, тексты 1890–1900-х — от 15 до 100 страниц, причем последние ближе к оригиналу. Показате-

лен «Праведный старец» (1894): он занимает от 50 до 100 страниц (в зависимости от шрифта издания). Мириель и Вальжан описываются подробнее, чем в ранних переложениях: три главы (25 страниц) посвящены Мириелю и его образу жизни: рассказывается, как он поменял свой епископский дворец на скромный дом и как он отдает почти все свое жалованье бедным. Текст иногда не лишен юмора, почерпнутого в оригинале, например, когда Мириель, который не достает до верхней полки, шутит: «Мое высокопреосвященство не доросло до верхней полки» [Праведный старец, с. 43]³⁵. Коротко описано прошлое Вальжана, но отсутствует сопровождающая это описание в оригинале критика жестокой судебной системы. Это переложение было переиздано три раза, что свидетельствует о его востребованности.

Из шести переложений о встрече Мириеля с Вальжаном лишь одно сосредоточивается на личности Жана Вальжана и затрагивает социальные вопросы. Это переложение 1902 г. Тут мы узнаем о том, что Вальжан был хорошим человеком, помогал сестре, а хлеб он украл по необходимости, чтобы спасти семью от голода. Как в оригинале, именно каторга его превратила в страшного человека: «После 19-ти-летней каторги Жан Вальжан превратился из безобидного и добродушного подрезчика в грозного тулонского каторжника» [Свет не без добрых людей 1902, с. 5]. В диалоге между епископом и каторжником сохранено описание страданий Вальжана: «Вам много пришлось выстрадать? — Ах, всего даже и не перескажешь! Цепи, доска вместо постели, зной, стужа, каторжная работа, надсмотрщики. А за самую ничтожную провинность — наказание, двойные кандалы, карцер; даже с больного в лазарете не снимают цепей. Собаки даже и те счастливее. Так я провел двенадцать лет. — Да, вы пережили ужасные страдания» [Там же, с. 38]. В этом переложении рассказывается о том, как Вальжан грабит мальчика. Описывается внутренняя борьба между добром и злом. Отметим, что Мириель, обнаружив кражу, произносит фразу, которая отсутствует в других переложениях: «Неужели вы думаете, что это серебро было наше? (...) С нашей стороны нехорошо было держать так долго это серебро, которое, в сущности, принадлежало бедным» [Там же, с. 48]. В конце текста мы узнаем о том, что Жан Вальжан впоследствии стал мэром и почтенным человеком, но мы ничего не узнаем о его дальнейших приключениях. Рассказ заканчивается словами: «Вот чем сделался бывший каторжник Жан Вальжан, благодаря встрече с добрым епископом Бьенвеню, заронившим в озлобленную и

ожесточенную душу семени милосердия и всепрощения» [Там же, с. 67]. Таким образом, Вальжан в этой версии описывается как каторжник, который, отрекшись от зла, разбогател. С одной стороны, конец рассказа оправдывает существующий общественный строй, но с другой — каторга подвергается критике, кража хлеба представляется оправданной, а слова Мириеля могут быть истолкованы как критика церкви.

Следует уделить особое внимание роли Льва Толстого в публикации переложений о Мириеле. Он автор первого переложения «Архиерей и разбойник», которое было опубликовано в 1872 г. в «Азбуке графа Л. Н. Толстого», и рассказа «Епископ Мириель», изданного в 1906 г. в «Круге чтения»; оба рассказа впоследствии были переизданы отдельно. Первое переложение — очень короткая переделка для детей. У Гюго взят общий сюжет, но оригинала нельзя узнать: «разбойника» преследует полиция, он скрывается у «архиерея»³⁶. «Архиерей» сразу за обедом учит «разбойника»: «Мне жаль тебя, что ты холоден и голоден и что за тобой гоняются, как за волком, но мне еще более жаль тебя за то, что ты зла много сделал и душу свою губишь. Брось дурные дела» [Архиерей и разбойник 1872, с. 26]. Такого поучения нет в «Отверженных», где епископ лишь сочувствует Вальжану. Толстой изменил и финал эпизода: разбойник признается в краже. Мы читаем: «“Я вор и разбойник, ведите меня!” Потом он сказал Архиерею: “прости меня ради Христа и помолись за меня Богу”» [Там же, с. 27]. Критика общественного строя отсутствует, а мотив раскаяния усиливается и упрощается, так как Вальжан сразу понимает и признает свою вину. Христианская тематика доминирует. Напомним, что в своей «Азбуке» наряду с художественными рассказами Толстой размещает библейские и духовные тексты (Книга бытия, Евангелие от Луки, Псалмы); в это время он еще не отстранился от православной церкви. Сочинение «Азбуки» — часть педагогического проекта Толстого, который в 1872 г. преподавал в школе Ясной Поляны [Aucouturier 1996, с. 202]. «Азбука» предлагает доступные тексты для воспитания детей в христианском духе.

Второе переложение 1906 г. намного ближе к тексту Гюго по содержанию и стилю. Например, описываются страдания Жана Вальжана на каторге. После кражи серебра Мириель утверждает: «Прежде всего, надо еще спросить, наше ли было серебро? <...> оно принадлежало бедным» [Епископ Мириель 1911, с. 12]. Критика не такая открытая, как и в переложении 1902 г., тем не менее, здесь

выражается идея, что священникам не положено быть богатыми, что связано с изменением отношения Толстого к церкви. Отметим, что Толстой, как инициатор издательства «Посредник», принимал участие в публикации других переложений, в том числе и «Сироты в неволе» (1896). В его сборник «Круг для чтения» (1906), где был опубликован рассказ «Епископ Мириель», также входят «Бедные люди» — прозаическая переделка стихотворения из «Легенды веков» о том, как рыбак с женой спасают детей умершей соседки от смерти (см. [Епископ Мириель // Круг чтения 1908]).

Переложения Толстого прежде всего призывают к добродетели. В них отсутствуют отрывки, где Гюго осуждает несправедливое общество. Однако тема несправедливости появляется намеками в переложении 1906 г.

Таким образом, в переложениях о Мириеле выдвигается на первый план доброта епископа. Критика общественного строя почти полностью исчезает, она заметна лишь в переложении 1902 г. Тем не менее, заметим, что короткие и очень упрощенные переложения постепенно уступают место более развернутым текстам³⁷, в них иногда завуалированно выражается критика церкви и общественного строя (1902); этому способствует снятие цензуры с романа. Переломным моментом являются последние годы XIX в. и начало XX в., когда выходят (и переиздаются) переложения 1894-го, 1902-го и 1906 гг.

Заключение

Можно найти много общего в переложениях для детей и для народа, особенно в начале рассматриваемого периода: общие сюжеты, упрощенные прагматические задачи — поучительные рассказы, воспевающие добродетель. Тем не менее, к самому концу XIX и к началу XX в. начинают дифференцироваться переложения для детей и для народа. Появляется все больше дешевых изданий для простого народа; переложения для народа уже ближе к оригиналу по содержанию и стилю, они часто пространнее, менее поучительны, а иногда в них даже содержится критика общественного строя³⁸ (заметим при этом, что переложение 1906 г. «На баррикаде, сцена народного восстания 1832 г. в Париже» — крайний случай, связанный с особым политическим контекстом и с отменой цензуры). В этом процессе играет большую роль издательство «Посредник». Благодаря ему получили довольно широкое распространение рассказы «Сирота в неволе» (1896), «Праведный старец» (1894) и «Епископ Мириель» Толстого (1906)³⁹; следовательно, именно они

легли в основу народного восприятия романа «Отверженные». Эти переложения полнее и ближе к оригиналу, чем ранние, хотя в них мало выражена критика общественного строя, присущая роману «Отверженные». Они свидетельствуют о постепенном изменении отношения писателей и издателей к народу: появляется идея, что народу нужны специфические, а не детские произведения.

Мы ограничились изучением дореволюционного периода, но советское время заслуживает отдельного исследования. Бегло заметим, что переложения эпизодов о Мириеле уступают место героическому сюжету о Гавроше. В то же время, в переложениях советского периода можно найти общие черты с переложениями царского периода: например, подчеркивается самоотверженность героев. В 1920-е гг., как и в царское время, переложения будут адресованы и детям, и рабочим (адресат «народ» заменят на «рабочие»), а с 1930-х гг. перестают издаваться переложения для взрослых, зато «Гаврош» и «Козетта» становятся памятниками советской детской литературы.

Примечания

¹ В 1870 г. вышел перевод романа в издании Генкеля, но публикация была приостановлена. О публикации переводов романа «Отверженные», см. [Библиография русских переводов произведений Виктора Гюго 1953; Айзеншток 1939; Орешина 1975]. По данным «Библиографии» с 1892-го по 1915 г. было опубликовано десять переводов романа.

² Среди рассмотренных в данной статье переложений лишь одно вышло под заглавием романа, см. [Несчастные 1877].

³ Так, в переводе, опубликованном в «Современнике» в 1862 г., по сравнению с оригиналом, текст сильно сокращен и его структура изменена: в оригинале первая часть состоит из 8 книг, разделенных на несколько глав, а в переводе она состоит из 16 глав; девятая глава перевода состоит из отрывков из пятой книги оригинала (главы 8–10 и 12–13), а также из первой главы шестой книги (см. [Несчастные 1862, с. 662–671]). В более поздних переводах текст также сокращен, но меньше. Например, перевод, опубликованный издательством А. С. Суворина в 1882 г., намного ближе к оригиналу: сохранено разделение частей на книги, а книг — на главы. Тем не менее, некоторые отрывки отсутствуют: во второй книге первой части сохранены все главы за исключением главы «L'évêque en présence d'une lumière inconnue» («Епископ перед неведомым светом»), в которой епископ беседует с бывшим членом Конвента и которая была отмечена царской цензурой как особенно опасная (о вопросе цензуры в изданиях «Отверженных» царского периода, см. [Айзеншток 1939]).

⁴ Встречаются разные транскрипции имени «Cosette»: «Козета» в ранних переводах, а потом «Козетта».

⁵ Мы нашли восемь разных переложений с 1922-го по 1931 г. Рассказ 1931 г., подвергнувшись изменениям в 1936 г. и в 1948 г., переиздается до сих пор.

⁶ Об издательстве «Посредник» см. [Brooks 1985, с. 86].

⁷ Об этом свидетельствует название сборника: «Веселье и радость от колыбели до могилы. Храм всего что может повеселить и оживить все возрасты от старого до малого» [Несчастные 1877].

⁸ На первом издании цена не указана, но формат книжки, отсутствие иллюстраций и качество бумаги позволяют думать, что это дешевое издание; сборник 1903 г. (в котором рассказ издается под заглавием «Из мрака к свету») стоит один рубль; в 1912 г. — это дешевое издание для народа издательства «Посредник».

⁹ На обложке мы читаем: «Читальня народной школы допущена Министерством Народного Просвещения для ученических библиотек городских училищ, народных училищ, а также для ученических библиотек средних учебных заведений, для бесплатных читален и для чтения в народных аудиториях» [Свет не без добрых людей 1902].

¹⁰ По словам Толстого, в письме от 21 января 1872 г. «Азбука» рассчитана на детей всех сословий, от царевича до сына мужика [Aucouturier 1996, с. 106]. В 1874 г. двенадцать книг «Азбуки» продаются по совершенно доступным ценам — каждая от 10 до 15 копеек.

¹¹ В предисловии к «Кругу чтения» Толстой объясняет свои намерения: «воспользовавшись великими, плодотворными мыслями разных писателей, дать большому числу читателей ежедневный круг чтения, возбуждающего лучшие мысли и чувства» [Епископ Мириель // Круг чтения 1908, с. 4].

¹² В тексте «Вместо предисловия» мы читаем, что после июльской революции 1830 г. «народ же не был доволен, отчего и произошли впоследствии новые волнения и уличные беспорядки и перемена правления» [На баррикаде 1906, с. 7]. Во второй главе приведена аргументация Гюго о разнице между восстанием и революцией и оправдание последней [На баррикаде 1906, с. 21–25].

¹³ Переложение не подвергалось цензуре.

¹⁴ Они выходят в журналах для взрослых, таких как «Современник» (в 1862 г.), а потом издаются отдельными книгами для взрослых (Генкель в 1870 г., Суворин в 1882 г.).

¹⁵ В начале двадцатого века можно найти и очень дешевые издания, например издания «Посредника», и более дорогие, например сборник 1903 г.

¹⁶ Джэфр Брукс противопоставляет лубочную литературу литературе для народа, написанной элитами с поучительной целью; издания «Посредника» он характеризует как книги в стиле лубочной литературы, но с моральным содержанием [Brooks 1985, с. 337].

¹⁷ В романе «Отверженные» оказывается, что малыши — братья Гавроша (хотя он этого не знает), но в переложениях они ему чужие.

¹⁸ Например, в переводе, опубликованном в «Современнике» в 1862 г., не переведены пятая и шестая глава седьмой книги первой части, где описываются отъезд Вальжана и реакция Фантины, когда она узнает о его отъезде [Несчастные 1862].

¹⁹ Рассказы о Козетте и Гавроше взяты из других частей романа.

²⁰ Сокращения оригинала издатель «Современника» оправдывает в примечании в начале текста: он утверждает, что «Первая часть романа <...> чрезвычайно растянута» [Современник 1862]. Подобное примечание можно найти в издании Генкеля: «Эту книгу мы позволили себе значительно сократить, выкинув из нее некоторые стратегические подробности, относящиеся собственно к Ватерлооскому сражению <...> Точно так же поступали мы и относительно некоторых других мест романа, где В. Гюго, злоупотребляя так легко дающегося ему оригинальностью и эффективностью выражения, впадает в напыщенность и утрировку, плохо скрывающие бессодержательность фразы, — или же в многословие, только ослабляющее впечатление того, что хочет сказать автор. Нам казалось, что и то и другое может только утомить читателя, ничего не прибавляя ни основной идее, ни к художественному достоинству романа, которым он, при всех своим недостатках, обязан заслуженной известностью» [Генкель 1870].

²¹ Указывается, кто «перевел с французского» или, в лучшем случае, «перевел и сократил» текст.

²² Например, «Виссарион Григорьевич Белинский» (1910) и «Н. А. Некрасов и его поэзия» (1910).

²³ Отождествление детей и народа было отмечено разными общественными деятелями XIX в. и начала XX в. Можно привести высказывание Н. Рубакина из «Этюд о русской читающей публике»: «Составители 'народных' книжек не знали своего читателя и третируют его à l'enfant <...> изучение читателя из народа показало, что никакой 'особой' беллетристики для него не нужно, что смешение литературы детской и народной — курьезная и непростительная ошибка [...]» [Рубакин 1895, с. 6].

²⁴ Как издательница, она в 1899 г. опубликовала второе издание первого тома «Капитала» Карла Маркса. В издательстве сотрудничал В. И. Ленин.

²⁵ Тем более что в словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона указано, что «в 'Современнике' 60-х гг. она помещала переводные стихотворения под псевдонимом Е. Б.» [Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона 1890–1907].

²⁶ Первый раз, чтобы ее не отправляли за водой, а второй, чтобы не наказывали за то, что она забыла купить хлеб. В переводе Суворина ложь сохранена, см. [Отверженные 1882, с. 187, 195].

²⁷ Не переводится комментарий рассказчика «Она соврала» («Elle mentit»).

²⁸ «Le Thénardier comprit qu'il avait affaire à quelqu'un de très fort» [Les misérables 1985, p. 332]. «Очень сильный человек» для Тенардье, — это человек его мира, а не мира порядочных людей.

²⁹ «Cette fois il le regarda d'un air si sombre que le Thénardier jugea 'inutile' d'aller plus loin» [Les misérables 1985, p. 337].

³⁰ По классификации В. Я. Проппа в «Морфологии волшебной сказки» [Пропп 1928].

³¹ Ни в одном переложении мы не нашли сцену, когда Тенардье догоняет Вальжана и девочку и старается выпросить больше денег.

³² По-французски: «On ne buvait pas beaucoup d'eau dans la maison Thénardier. Il ne manquait pas là de gens qui avaient soif; mais c'était de cette soif qui s'adresse plus volontiers au broc qu'à la cruch» [Les misérables 1985, p. 303] («В харчевне Тенардье редко пили воду. Страдающих жаждой здесь всегда было достаточно, но это была жажда, которая охотней взывает к жбану с вином, чем к кружке с водой»). Перевод издания Виктор Гюго «Собрание сочинений в 10 томах». М., Правда, 1972).

³³ См. вторую книгу первой части романа — «Падение» (La chute). Епископ представлен в первой книге этой части — «Праведник» (Un juste).

³⁴ Например: «Вы перестаете принадлежать злу и поступаете во власть добра. Я купил вашу душу. Изгоняю из нее дух тьмы и вручаю ее Богу» [Епископ Мириель, 1911, с. 15] (первое издание в 1906 г.). Также см.: [Архиерей и разбойник 1872; История одного праведника 1879; Праведный старец 1894].

³⁵ По-французски «ma Grandeur ne va pas jusqu'à cette planche» [Les misérables 1985, p. 12].

³⁶ Герои не названы. Текст приписан Виктору Гюго, но не указывается, что это отрывок из «Отверженных».

³⁷ В 1894 и в 1902 гг.; можно также заметить, что второе переложение Толстого намного длиннее и ближе к оригиналу, чем первое.

³⁸ Что касается рассказов о Козетте, можно сравнить переложения 1889-го и 1896 гг.; показательно переложение о Мириеле 1902 г.

³⁹ Для каждого было осуществлено четыре издания. Мы не нашли информации о тираже, но тираж изданий «Посредника» обычно большой [Brooks].

Источники

Архиерей и разбойник (Виктор Гюго) // Толстой Л. Н. Азбука: в 4 кн. СПб.: Тип. К. Замысловского, 1872. Кн. II. С. 26–27.

Архиерей и разбойник (Виктор Гюго) // Толстой Л. Н. Вторая русская книга для чтения. СПб.: Тип. К. Замысловского, 1874. С. 26–27.

Архиерей и разбойник // Рассказы для маленьких детей. М.: Изд. т-ва Сытина, 1912.

Гюго В. Епископ Мириель / [обработано Л. Н. Толстым]. СПб.: Б-чка «Копейка», 1910.

Гюго В. Епископ Мириель [Недельное чтение — 24 ноября] // Круг чтения: Избранные, собранные и расположенные на каждый день Львом Толстым мысли многих писателей об истине, жизни и поведении: в 2 т. / Издание «Посредника»; напечатанное под личным наблюдением Л. Н. Толстого. 2-е изд. М.: Посредник, 1908. Т. 2. С. 485–492.

Гюго В. Козета // Алмазы: Рассказы и сказки для детей / сост. Евгения Фрибес. СПб.: Тип. Е. Праца, 1868. Вып. 1. С. 68–118.

Гюго В. На баррикаде: сцена народного восстания 1832 г. в Париже. По роману «Несчастные» / пер. О. Н. Попова. СПб.: Изд-во Д. Н. Поповой, 1906.

Гюго В. Несчастные // Веселье и радость от колыбели до могилы: Храм всего, что может повеселить и оживить все возрасты от старого до малого / сост. обществом литераторов; под ред. барона Саллогуба: в 4 т. и 10 ч. М.: Тип. С. Орлова, 1877. Т. 3; Ч. 6: Отрывки из произведений иностранной литературы. С. 143–153.

Гюго В. Несчастные. СПб.: Генкель, 1870.

Гюго В. Несчастные / пер. О. Н. Поповой и А. И. Энгельгардт. СПб.: Изд. Попова, 1902.

Гюго В. Несчастные: Фантина [Часть I] // Современник. 1862. Т. 42; Кн. 4. С. 607–706.

Гюго В. Отверженные. СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1882.

Гюго В. Отверженные / пер. В. Л. Ранцова и Е. Г. Бекетовой // Гюго В. Собр. соч. СПб.: Изд. Пантелеева, 1899. Т. 8–12.

Гюго В. Праведный старец: Повесть [из романа «Отверженные»]. М.: Тип. Ермакова, Москва, 1894. (№ 176).

Гюго В. Праведный старец: Повесть [из романа «Отверженные»]. М.: Тип. Вильде, Москва, 1900.

Гюго В. Праведный старец: Повесть. Отрывок из романа «Отверженные». 3-е изд. М.: Посредник, 1912.

Гюго В. Свет не без добрых людей, рассказ с франц. изложил Ив. М-син // Читальня Народной Школы. СПб., 1902, вып. XII (декабрь).

Гюго В. Сирота в неволе / пер. с фр. Е. Б. 4-е изд. М.: Посредник, Москва, 1910.

Гюго В. Сирота в неволе / пер. с фр. Е. Б. М.: [Б.и.], 1901.

Гюго В. Сирота в неволе / пер. с фр. Е. Б. М.: Посредник, Москва, 1898.

Гюго В. Сирота в неволе / пер. с фр. Е. Б. М.: Тип. т-ва Сытина, Москва, 1901.

Гюго В. Сирота в неволе / пер. с фр. Е. П. Муратовой (Е. Владимировой). 2-е изд. М.: Кн. изд-во «Друг школы», 1915.

Гюго В. Сирота в неволе / пер. с франц. Е. Б. М.: Тип. т-ва Сытина, Москва, 1896. (№ 253).

Гюго В. Сирота у чужих людей / пер. с фр. Н. Филиппов. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1889.

Гюго В. Сирота у чужих людей / пер. с фр. Н. Филиппов. СПб.: Изд-во Н. С. Аскарханова, 1910.

Дитя Парижа (из романа «Несчастные» Виктора Гюго) // Маленькие герои: сб. для чтения. СПб.: Изд. П. Канчаловского, 1869. С. 43–77.

Из мрака к свету, рассказ. По Виктору Гюго // Сиротка Герти и другие рассказы. М.: И. Н. Кушневер и К°, 1903. С. 163–207.

История одного праведника: отрывок из романа «Отверженные» [пер. Е. Барте-невой] // Детское чтение. 1879. № 4. С. 49–82.

Козета: отрывок из романа Виктора Гюго «Несчастные» // Юный читатель: журнал для детей старшего возраста. 1902. № 4. С. 76–113.

Толстой Л. Н. Епископ Мириель (по Виктору Гюго) / под ред. П. И. Бирюкова; № 28. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911.

Hugo V. Les Misérables, présentation d'Annette Rosa, notice et notes de Guy et Annette Rosa / éditions Robert Laffont. Paris, 1985.

Исследования

Айзеншток И. Французские писатели в оценках царской цензуры: Виктор Гюго // Литературное наследство. 1939. № 33–34. С. 787–795.

Библиография русских переводов произведений Виктора Гюго / сост. М. С. Морщинер, Н. И. Пожарский. М.: Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы, 1953.

Науменко Т. К. Виктор Гюго в оценке Л. Н. Толстого // Вопросы русской, советской и зарубежной литературы: научные труды. Вып. 22 / отв. ред. В. А. Цыбенко; ред.: А. А. Богданова, С. С. Каташ. Горно-Алтайск: Кн. изд-во, 1969. С. 21–37.

Орешина Н. И. Проза Виктора Гюго в России (1860–1900 гг.). М., 1984.

Орешина Н. И. Роман Гюго «Отверженные» в России (1860–1880-е годы) // Писатель и литературный процесс. Душанбе, 1975. Вып. 3. С. 108–125.

Пронн В. Я. Морфология волшебной сказки. Л.: Academia, 1928.

Рубакин Н. А. Этюды о русской читающей публике: Факты, цифры и наблюдения. СПб., 1895.

Aucouturier M. Tolstoï. Éditions du seuil. Paris, 1996.

Brooks J. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature. Princeton. 1985.

Cadot M. Léon Tolstoï lecteur et traducteur de Victor Hugo // Le Rayonnement international de Victor Hugo, Actes du symposium de l'Association internationale de littérature comparée: XIe Congrès international, P. Lang. N. Y., 1989.

АНКЕТА ДЧ

Мы публикуем интервью с *Владиславом Петровичем Крапивиным*, известным писателем, организатором и многолетним руководителем отряда «Каравелла» (создан в 1961 году и существует до настоящего времени в Свердловске-Екатеринбурге). Комментарии к интервью сделаны *Ларисой Александровной Крапивиной*, командором отряда «Каравелла», кандидатом педагогических наук, автором диссертации «Воспитательная система разновозрастного объединения как средство социального развития личности подростков (на материале отряда «Каравелла» и движения разновозрастных объединений России)».

— *Что возникло раньше — отряд «Каравелла» или повести?*

В. К.: Сначала, конечно, были повести. Первая — в 1957 г. Отряд же возник в 1961. Не думаю, что это как-то взаимосвязано: независимо от того, стал бы я писателем или нет, был бы дворником или астрономом, все равно я работал бы с детьми. Некоторые ребята, с которыми начинал работать, были достаточно агрессивны даже в играх. Стоило большого труда отучить их от привычки во время игры нападать сзади, валить человека на землю, бить лежачего. Приходилось перестраивать все мировоззрение. А на основе чего можно было это сделать? Только на основе показа других норм, других отношений, другого понимания жизни. Они должны были ощутить разницу, почувствовать ее, захотеть жить по-другому. А как это сделать? Ни в каких книгах об этом не рассказывалось. Вот и искал все интуитивно. Раз я был писатель, то начал рассказывать сказки и сочинять истории про других ребят, которые, конечно же, были похожи на настоящих. А ребятам понравилось. Они увлеклись, включились, поддержали. Дальше сказка стала явью, потому что мы верили, что «рождены, чтоб сказку сделать былью».

Л. К.: Поскольку в педагогику и литературу Владислав Крапивин пришел почти одновременно (в начале 1960-х гг.), постольку, на наш взгляд, педагогические идеи командора В. Крапивина неразрывно связаны с его литературно-публицистическим наследием и результатами практической педагогической работы